

Московский государственный областной
социально-гуманитарный институт
ул. Зеленая, 30, Коломна, 140411
Московская область, Россия

E-mail: a_stepanova@mail.ru

АСКЕТИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ В КНИЖНОСТИ XV–XVII ВЕКОВ

Рассматриваются несколько русских аскетических сборников XV–XVII вв., анализируется их состав, способы формирования, определяются их типы. Высказывается предположение о путях проникновения в русскую книжность одной из версий Сказания «О письменах» Черноридца Храбра.

Ключевые слова: аскетический сборник, формирование сборников, Сказание «О письменах» Черноридца Храбра.

Сказание Черноридца Храбра «О письменах» дошло до нас в трех болгарских редакциях: МДА, Лаврентьевской и Чудовской [Степанова, 1997. С. 8]. Последняя примечательна тем, что именно к ее тексту восходит текст первой русской версии этого памятника – Основной [Там же. С. 15–19].

Самый ранний список Чудовской редакции (и самая ранняя русская рукопись с сочинением Черноридца Храбра) читается в рукописи ГИМ, Чудовское собр., № 269 (далее – Чуд. 269). Это сборник первой половины XV в.¹, на 523 л. + I, 1°. Рукопись выполнена русским полууставом, но, видимо, восходит к болгарскому протографу, так как не последовательно сохраняет черты среднеболгарского извода. В описании Т. Н. Протасевой рукопись называется «Сборник со сказанием черноридца Храбра» [1980. С. 154]. Анализ его состава дает основание относить его к аскетическим сборникам.

М. С. Егорова предлагает выделять аскетические сборники как особый тип, основыва-

ясь на функциональной направленности сборника и на характере включенных в него текстов: это в основном произведения святых отцов, вошедшие в формировавшийся в то время в славянских землях фонд мистико-аскетической литературы. Среди авторов – св. Василий Великий, Иоанн Лествичник, Диадок Фотийский, Григорий Синаит, Петр Дамаскин, Симеон Новый Богослов. Исаак Сирий и др. Все аскетические сборники можно разделить на две разновидности: свод и собственно аскетический сборник. В своды входили большей частью полные тексты святых отцов без сокращений и дополнительных статей или текстов малого объема. В собственно аскетические сборники – различные по объему компиляции цитат, фрагменты святоотеческих текстов, выписки из патериков и т. п. [Егорова, 2004. С. 182–184].

При этом заметим, что возникает определенная трудность в связи с неразработанностью терминологии: термин «собственно

---

¹ Филигранны: 1) голова единорога, знак подобный – Брике (Briquet C. M. Les filigranes. Genève, 1907), № 15809 – 1423 г.; Пиккард (Piccard G. Wasserzeichen Fabeltiere: Greif, Drache, Einhorn / bearb. Stuttgart: Kohlhammer, 1980), № 1168 – 1421 г. Предложенный Т. Н. Протасевой [1980. С. 154] вариант – Брике, № 15814 – 1464–1468 гг., на наш взгляд, представляется неточным, так как в рукописи знак крупнее и имеет другой поворот головы; 2) морской конек, по Т. Н. Протасевой – Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899, № 975, 2493–2496 – 1441 г.

аскетические сборники» представляется неудовлетворительным, так как он описывает одну из разновидностей видовым названием. Впрочем, это ощущает и сама исследовательница, признавая необходимость его пересмотра [Егорова, 2004. С. 212]².

В сводах есть своеобразное текстовое «ядро» из отдельных святоотеческих текстов или их соединения. Авторитетные тексты не разбивались на части и отрывки. Индивидуальное начало составителя в таких сводах практически исключалось или сводилось к минимуму. Собственно аскетический сборник – это компилятивный текст, дополнительные статьи в котором обрели самостоятельность. Состав такого сборника уникален в своей единичности текстов и не воспроизводим в других сборниках; он зависит от составителя-компилятора. Для определения разновидности сборника очень важным оказывается объем включаемых произведений [Там же. С. 184–187].

Помимо структурных различий между двумя типами аскетических сборников отмечается и различие в их содержании: собственно аскетические сборники гораздо богаче по своему жанровому составу, включающему гомилетические сочинения, компиляции цитат, патериковые повести, жития, богослужебные тексты, т. е. тексты, не относящиеся непосредственно к мистико-аскетической литературе. Такое жанровое разнообразие ставит их в один ряд с традиционными сборниками «смешанного содержания» [Там же. С. 188–189]³.

И, наконец, эти два типа аскетических сборников различаются по своим функциям и дают возможность говорить о двух прагматически различных моделях: «При составлении свода вмешательство личности самого составителя в текст было минимальным, так как целью его работы являлось сведение в книгу нескольких авторитетных текстов. Составитель свода лишь выбирал и

располагал тексты в какой-либо последовательности. В своде фиксировался авторитетный опыт Церкви, предлагаемый читателю как руководство и пособие» [Там же. С. 189]. Таким образом, своды можно отнести к «теоретическим» текстам. Собственно же аскетические сборники рассчитаны на «формирование навыков и умений реализации постулируемых в тексте средств, способов, путей достижения христианского совершенства», т. е. представляют собой тексты «практические» [Там же. С. 208].

В славянской рукописной традиции аскетические сборники возникают не ранее середины XIV в. (старшие рукописи болгарского извода: сборник середины XIV в. № 79 и два сборника второй половины XIV в. № 80 и 81 из Библиотеки Академии наук НРБ, София) [Там же. С. 182–183]. Их распространение связано с возрождением исихастских традиций православного монашества в Византии и на Балканах. На Руси аскетические сборники появляются на рубеже XIV–XV вв. [Там же. С. 183–185]. Это проникновение можно объяснить влиянием исихазма на монастырские общежития и на русскую культуру в целом [Прохоров, 1974. С. 318].

Сборник Чуд. 269, безусловно, принадлежит к типу аскетических сборников, но не сводится ни к одной, ни к другой разновидности. Примерно половину его объема составляет текстовое «ядро»: слова Иоанна Златоуста и приписываемые ему (~ 70 л.), поучения Аввы Дорофея (~ 80 л.), слова Симеона Нового Богослова (~ 75 л.). Это основа структуры свода, в то время как в собственно аскетических сборниках эти тексты представлены выборочно, в виде выписок и отдельных глав [Егорова, 2004. С. 188]. При этом сочинения Аввы Дорофея и Симеона Нового Богослова – это сочинения писателей-исихастов, которые собственно и формируют аскетику. Слова Иоанна Златоуста, как и другие гомилетические тексты, обычно включаются в собственно аскетические сборники, но не в своды.

Вторую часть сборника Чуд. 269 составляют тексты среднего (от 8 до 20 листов) и маленького (до 5 листов) размера. Тексты среднего объема следуют за основным «ядром», распространяя и дополняя его, как это происходит в сводах. Это слова и поучения Никона, Анастасия Синаита, Макария Великого, Илариона, Зосимы, Максима

² Не останавливаясь специально на проблемах терминологии и классификации аскетических сборников в рамках данной статьи, поскольку они заслуживают отдельного внимания, во избежание терминологической путаницы мы используем термин М. С. Егоровой «собственно аскетические сборники», понимая его недостаточность и условность.

³ И. М. Грицевская предлагает, думается, небезосновательно, называть такие сборники «центонными сборниками» [2011. С. 20].

Исповедника, Ефрема Сирина, Феодора Студита, Нила Синайского. Мелкие статьи в основном переписаны за средними, иногда – между ними. Из наиболее частотных текстов, формирующих состав собственно аскетических сборников, в Чуд. 269 читаются следующие.

1. «Наказание святого отца нашего Илариона къ отрешимся мира Христа ради» (начало: «Къ старейшему брату и Христову рабу убогий азъ инокъ и послѣдний въ братствѣ Иларионъ...», л. 281–292).

2. Нила Синайского о восьми помыслах (начало: «Вѣждь, чядо, яко осмь есть помысль, иже вся злаа съдѣловающей...», л. 367 – 367 об.).

3. Илариона о пустынном житии («Наказание о отврѣженіи мира») (начало: «Потщимся, братие, паче всего безмльвно работати Господеви...», л. 279 об. – 280 об.).

4. «Слово о иночьском образѣ» (начало: «Услышите, братие, колико почтенъ бысть иночьский образъ...», л. 396 – 396 об.).

5. Беседы Зосимы о ярости (начало: «Повѣда намъ ученикъ отца Зосимы некъгда рече: сѣдящу ми съ отцемъ моимъ Зосимомъ и душеполезнаа словеса глаголющемъ нам...», л. 292 об. – 305 об.).

6. Анастасия Синаита «слово о шестом псалмѣ и поучение святого поста» (начало: «Лѣпоту постънаго начятка истиннаго покаания образъ подаетъ церкви писание...», л. 261 об. – 270).

7. «Предание уставом, иже на внѣшнѣй странѣ прѣбывающимъ иноком, рекше скытскаго житиа правило» (начало: «Подобаеть бо вѣдѣти о сем, яко обрѣтаемъ о святыхъ отцехъ, иже на внѣшнѣй странѣ бѣаху прѣбывающей...», л. 510–514).

8. Главы Нила Синайского о молитве («Постника Нила главизны о молитвѣ») (начало: «Иже хочетъ благовонный фимианъ устроити...», л. 372 об. – 380 об.).

9. «Отъ учительствъ отца Амѣмония къ хотящимъ спастися» (начало: «Четыри вещи суть, и аще едину отъ нихъ иматъ человекъ, ни покаатися можетъ, ни молитву его приемлетъ Богъ...», л. 362 об. – 366 об.).

10. Стефана Фивейского «о бдѣннихъ всенощныхъ, еже въ святую недѣлю, и въ праздники Господьскыя учиненыхъ повѣсти чудны зѣло» (начало: «Сътворены пѣснемъ часовѣ никакоже не небрѣзи, ниже всенощнаа бдѣнія...», л. 479–480).

11. «Послание Евфимия Тырновского къ Киприану» (начало: «Зѣло насъ обрадоваль еси своимъ писаниемъ и вящшии любве въспалиль еси пламянь...», л. 341 – 346 об.).

Изъ другихъ небольшихъ по объему текстовъ в Чуд. 269 вошли сочинения Панкратія, Антиоха, Дософея, патриарха Константинопольскаго Геннадія, Василя Великаго, Кирилла Александрийскаго, Афанасія Александрийскаго, Исаака Сирина, Григорія Богослова, Евсевія Александрийскаго.

Значительную часть сборника Чуд. 269 занимаютъ патериковыя повести (~ 75 л.), в том числѣ изъ Киево-Печерскаго патерика (~ 12 л.). Изъ другихъ русскихъ произведений в рукописи помещено «Сказание о Борисѣ и Глебѣ» («Сказание и страсть и похвала святою мученику Бориса и Глѣба»), безъ рассказа о чудесахъ и безъ статьи «О Борисѣ, какъ бѣ възъръмъ». По С. А. Бугославскому, это Чудовская редакция памятника, архетипъ которой восходитъ къ оригиналу «Сказание о Борисѣ и Глебѣ» [Дмитриев, 1987. С. 404–405].

Итакъ, сборникъ Чуд. 269, вероятно, можно отнести къ промежуточной разновидности аскетическихъ сборниковъ. В собственно аскетическихъ сборникахъ крупныя по объему сочинения отцовъ церкви представлены выборочно, чаще всего это отдельные главы и выписки. В Чуд. 269 есть текстовое «ядро» – блоки изъ крупныхъ святоотеческихъ текстовъ (Иоанна Златоуста, Аввы Дорофея, Симеона Нового Богослова). Кроме этого, заметно стремление составителя включать и другія сочинения в комплексъ. Такъ, общій объемъ текстовъ средняго размера примерно 125 листовъ. И если в собственно аскетическихъ сборникахъ отдельные главы и выписки изъ патериковъ используются в качестве своеобразныхъ «связокъ» между текстами и создают отчетливый патериковый «фонъ» [Егорова, 2004. С. 182, 184], усиливая монашескую тему, то в Чуд. 269 патериковыя тексты переписаны тоже в комплексъ. Еще одно принципиальное расхожденіе Чуд. 269 с собственно аскетическими сборниками заключается в отсутствіи в немъ компилиций цитатъ изъ творений святыхъ отцовъ.

Отъ сводовъ сборникъ Чуд. 269 отличается большое количество среднихъ и мелкихъ по объему статей и наличие гомилетическихъ текстовъ, что в сводахъ редкость.

Вообще, Чуд. 269 – значительный по объему сборникъ, в которомъ собранъ большой

материал по монашески-аскетической теме. С одной стороны, вмешательство составителя в текст было минимальным, потому что его целью было свести в одну книгу несколько авторитетных текстов, он «лишь выбирал и располагал тексты в какой-либо последовательности» [Егорова, 2004. С. 190]. С другой стороны, наличие такого большого количества текстов, которые включены в сборник Чуд. 269, не позволяет отводить его составителю пассивную роль. Отбор, вероятно, уже предполагает некую личную, индивидуальную точку зрения. Вероятно, Чуд. 269 отражает переходный этап от свода к собственно аскетическому сборнику и представляет собой еще один тип аскетического сборника.

Выделяет Чуд. 269 из ряда как сводов, так и собственно аскетических сборников включение в его состав Сказания Черноризца Храбра «О письменах» («Сказание, како състави Святый Кириль словенем писмена противу языку», л. 346 об. – 348 об.). Произведение по этому списку – это болгарская редакция, Чудовская. Именно к ней восходит первая русская версия памятника. Почему составитель включает его в сборник аскетического содержания? Думается, это не случайно. В Чуд. 269 Сказание переписано после «Послания Евфимия Тырновского Киприану» (после Сказания следует новая рубрика «Главы добродѣтели преподобнаго отца нашего Феодора»).

Духовное становление Евфимия происходило под влиянием исихазма, который в Болгарии проповедовал его учитель Феодосий Тырновский: «Доктрина исихазма включала в себя нормы духовного самосовершенствования, которые должны были привести монаха к единению с Богом – то есть к истинному, освобождающему дух покою (“исихии”»)» [Пиккио, 2002. С. 135]. Став патриархом, Евфимий принял за духовное просвещение.

Чтобы укрепить свою независимую позицию в споре с греками, Тырновская церковь должна была еще раз узаконить использование при богослужении церковнославянского языка. Проведенная для этого лингвистическая реформа Евфимия основывалась на учении исихазма, согласно которому «языковое выражение – это не только форма, но и истинная духовная сущность. Кто говорит “Бог”, тот имеет дело не с символом божества, но с самим божеством.

Тайна слова уравнивается с тайной души, и потому письмо есть деятельность духовная. Точность языка есть сама точность религиозных понятий, а стиль словесного выражения соответствует степени мистического совершенства того, кто стремится к “исихии” (“покою”») [Там же. С. 136]. Иначе говоря, слово для исихастов – «святая святых», произнести его или тем более написать следовало после обретения духовного совершенства.

В «Послании Киприану» Евфимий говорит о путях достижения нравственного очищения: «**везъмльвїе и постъ доуховнаа съпроуга, лѣствица на небеса, възводаци поуть незаблоуднии непрелестнии къ Богоу, верига благосъчетаннаа; везъмльвїе и постъ чистотѣ ходатае, цѣломоудрїа оучителїе, на врагы врожїе неповѣдимо, столпъ крѣпокъ ѿ лица вражїа**» (Чуд. 269, л. 341).

При Евфимии язык, освященный Кириллом и Мефодием, стал объектом внимательного изучения. В этом контексте Сказание соответствует общей монашески-аскетической тематике сборника в духе исихазма. Вполне вероятно, через сборники, подобные Чуд. 269, которые восходили к славянским аскетическим сборникам, Сказание Черноризца Храбра попало в русскую письменность. Этому не противоречит и наша датировка Основной редакции второй половиной – концом XIV в. [Степанова, 1997. С. 25]. Косвенно об этом свидетельствует и тот факт, что сборники, в которых читается первоначальный вариант этой редакции – Музейный, – тоже аскетические. Это четыре русские рукописи, одна из которых XVI в. (ОР РНБ, собр. Погодина, № 1300)⁴; и три – XVII в. (ОР РГБ, Музейное собр., № 5527, далее – Муз. 5527; ОР РГБ, собр. Пискарева. № 150; Государственный архив Костромской области, ф. 558, оп. 2, № 231).

Мы уже писали о них как о сборниках религиозно-дидактических с рядом особенностей, главная из которых – это идентичность их состава [Степанова, 2011]. Анализ их содержания позволяет отнести их к аске-

⁴ Недавно мы уточнили датировку рукописи, так как обнаружили в ней вкладную запись почерком писца на нижнем поле на л. 8–19: «лето 7095 [1587] дал сию книжку собранник многогрешный инок Варлам, а писал сию книжку яз Варлам своєю рукою».

тическим сборникам⁵. В этих рукописях читаются пять из наиболее частотных текстов, характерных для состава аскетических сборников (обычно из всего списка присутствуют в любом из сборников XIV–XVI вв. минимум три-четыре [Егорова, 2004. С. 193–194]). Укажем их по Муз. 5527:

1) «Завет чернцем Великаго Василия» (л. 10 об. – 12);

2) «Слово отца Моисея, суще в ските, ко отцу Пимину, бе же бысть от него писати ему» (л. 40–52);

3) Св. Илариона о пустынном житии (л. 164–168);

4) Афанасия Великого «Слово оглавлено к заповедом Божиим всем отвергшимся мира, хотящим спастися» (л. 261 об. – 271);

5) Св. Нила о восьми помыслах (л. 422 – 426 об.).

Если говорить о типе этих сборников, то их следует отнести к «собственно аскетическим сборникам»; мы бы предложили называть их «аскетические центонные сборники» («аскетико-центонные сборники»): в них представлены в основном мелкие статьи (до 10 листов), а сочинения отцов церкви входят не блоками, а в виде выписок и отдельных глав. Например, в них помещены два сочинения Василия Великого (л. 7 об. – 12), три главы из поучений Аввы Дорофея (причем последняя расположена дистантно) (л. 19 – 26 об., 93 об. – 96 об.), две главы из Симеона Нового Богослова (л. 168–173)⁶. Встречаются выписки из житий, патериков, фрагменты других произведений. Подчеркиваем, что это сборники закрытой структуры, хотя обычно сборники неустойчивого состава в целом и аскетические в частности не дублируются.

По содержанию они, конечно, более «пестрые», чем аскетические своды и Чуд. 269, за счет житий, апокрифов, патериковых повестей, которые в явном виде с мистико-аскетической литературой не связаны. Тем не менее в них присутствует неакцентированная монашеская тематика, иначе на каком основании они могут быть причислены к аскетическим? И даже, на первый взгляд, контрастирующий с общим содержанием тематический комплекс сочинений о языке

(«Сказание, как состави святыи Кирил словеном писмена противу языку», «О племени Симове», «О племени Афетове», «О азбуке пермьстей» из «Жития Стефана Пермского» и «Начало азбуки греческой») имеет глубокие связи с традицией исихазма.

Кроме того, состав рассмотренных сборников отличается консерватизмом: в них нет ни одного произведения XVII в. Анализ их содержания дал возможность предположить раннее происхождение их сборника-протографа: полагаем, что он мог быть составлен уже в XV в., так как «по духу, по времени написания входящих в него памятников он близок эпохе “второго южнославянского влияния”» [Степанова, 2011. С. 191–192].

Таким образом, изучение состава аскетических сборников, способов их формирования помогает понять как сами типы рукописных сборников, так и пути проникновения на Русь и функционирования в русской среде отдельных входящих в них памятников.

Список литературы

Викторов А. Е. Каталог славяно-русских рукописей, приобретенных Московским Публичным и Румянцевским музеями в 1868 г. после Д. В. Пискарева. М., 1871.

Грицевская И. М. Древнерусский монастырский четий сборник: вопросы терминологии и классификации // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 8: Филология. С. 15–26.

Дмитриев Л. А. Сказание о Борисе и Глебе // Словарь книжников и книжности Древней Руси (XI – первая половина XIV в.) / Под ред. Д. С. Лихачева. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. Вып. 1. С. 398–408.

Егорова М. С. Русские аскетические сборники XIV–XVI вв. как тип сборника // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. Т. 56. С. 181–234.

Ликкио Р. Древнерусская литература / Пер. с итал. М. Ю. Кругловой, И. В. Михайловой, Е. Ю. Сапрыкиной, А. В. Ямпольской. М.: Языки русской культуры, 2002.

Протасьева Т. Н. Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1980. С. 154–155.

Прохоров Г. М. Келейная исихастская литература (Иоанн Лествичник, Авва Дорофей, Исаак Сирий, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит) в библиотеке Троице-Сергиевой лавры с XIV по XVII в. // ТОДРЛ.

⁵ Кстати, такое название дал А. Е. Викторов списку из собр. Пискарева, № 150 в своем описании еще в 1871 г. [Викторов, 1871. С. 24.].

⁶ По Муз. 5527.

Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1974. Т. 28. С. 317–324.

Степанова А. Ю. Сказание черноризца Храбра «О письменах» в древнерусской письменности XIV–XVII веков (Основная редакция) / Под ред. Е. И. Дергачевой-Скоп. Новосибирск, 1997.

Степанова А. Ю. К проблеме типологии рукописных сборников XVII века // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 8: Филология. С. 187–194.

Материал поступил в редколлегию 20.08.2012

A. Yu. Stepanova

ASCETIC SBORNIKS IN MANUSCRIPT TRADITION OF THE 15th–17th CENTURIES

The paper analyzes the compilation structure, methods of formation and the defines types of several Russian ascetic sborniks 15th–17th centuries. The author suggests ways of penetration one of the versions of Chernorizets Hrabr's Treatise «O Pismeneh» into the Russian manuscript tradition.

Keywords: ascetic sbornik, manuscript formation, Treatise «O Pismeneh» of Chernorizetz Hrabr.